

К. В. Павлов,

*доктор экономических наук,
Ижевский институт управления, Россия*

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Социально-экономические кризисы известны с давних пор. Так, циклические кризисы перепроизводства возникают в капиталистической системе с периодичностью раз в десять – пятнадцать лет уже более двух столетий. Трансформационные кризисы, кризисы общественных систем носят ещё более древний характер и стали возникать уже на этапе развития человеческой цивилизации. Вместе с тем до сих пор нет глубоко разработанной научной концепции о причинах возникающих кризисов, их классификации, о методах и формах их устранения. При этом актуальность создания такого рода концепции в последнее время существенно возросла в связи с учащением появления разнородных кризисов и усилением их влияния на жизнедеятельность общества. Так, достаточно вспомнить Великую депрессию, социально-экономическую трансформацию постсоциалистической системы, всевозможные техногенные катастрофы, азиатские финансовые кризисы и, наконец, современный мировой экономический кризис, охвативший и Россию. В рамках научной концепции необходимо выявить причины и факторы возникающих кризисов, общее и особенное в их проявлении, а также выявить основные преобразования реформационного типа, составившие основу разработки стратегии выхода из кризиса и сопутствующие им переходные процессы и явления.

Мировой опыт свидетельствует, что кризисное состояние имманентно присуще любой разновидности социально-экономической системы, по крайней мере, в мировой истории не известно случая бескризисного развития какой бы то ни было страны. Ускорение общественного развития привело и к учащению появления кризисных состояний. Что касается причин возникновения любого кризиса – то их, как правило, множество, хотя, разумеется, значение и роль разных векторов неоднозначны. Вполне вероятно, что определенные кризисы связаны с действием среднели и долгосрочных волн типа волн Кондратьева, которые объясняются естественным циклом смены технологий; не исключено, что и кризис российского общества в определенной мере „обязан” этому фактору.

Всеми этими проблемами должна заниматься новая область знания – патозэкономика. Этот термин был

впервые нами предложен [7] для обозначения науки о кризисных, переходных социально-экономических процессах и состояниях, о видах и формах производственных патологий, общественных диспропорциях. Областью исследования этой новой экономической науки является анализ и классификация факторов кризиса, типологизация форм и видов кризисных состояний, всевозможных диспропорций, выявление путей и методов выхода из кризиса, анализ типов и разновидностей реформ, изучение общих закономерностей и специфических особенностей кризисных состояний, а также экономических проблем анализа чрезвычайных ситуаций. Но могут возразить, причем мол здесь еще и переходные процессы, ибо и о них идет речь, когда говорят о патозэкономике? Это в общем-то понятно, ибо кризисное состояние любой системы вызывает необходимость ее перестройки, реформирования, перехода в некое иное качество, т.е. иначе говоря, появляется объективная необходимость возникновения переходных процессов и состояний. В этой связи патозэкономика должна заниматься также проблемами объективной обусловленности выбора целевых ориентиров, к которым должна стремиться анализируемая система; классификацией этих целевых ориентиров; выявлением закономерностей, форм и методов перехода к новому состоянию, разработкой оптимальной стратегии перехода и пр.

Но важнейшей задачей патозэкономии наряду с созданием основ научной классификации заболеваний социально-экономического организма является разработка методов и поиск путей лечения различных экономических болезней. В этой связи весьма актуально определить, являются ли монетаристские методы единственным средством лечения больной российской экономики? – Напомним, что во времена Великой депрессии американскую экономику помогли вылечить кейнсианские методы государственного регулирования, поэтому нельзя без глубоких обоснований только в монетаристских методах видеть способ излечения. Опыт ряда развивающихся стран, продемонстрировавших миру „экономические чудеса”, – например, Южной Кореи – также лишний раз указывает на условность и зыбкость использования унифицированных рецептов стимулирования экономического

развития – тех же монетаристских методов, к примеру. В социально-экономической стратегии Южной Кореи были фактически воплощены идеи и рекомендации, которые на базе изучения опыта стран „второго эшелона” мирового капитализма или „государств, запоздавших в своем развитии”, были сформулированы в середине прошлого века немецким экономистом Ф. Листом, а в середине нынешнего – известным специалистом в области экономической истории А. Гершенкроном. Квинтэссенция этих рекомендаций, учитывающих опыт Германии и России, заключается в том, что у стран, волею истории оказавшихся в положении догоняющих, нет иного способа резко ускорить темпы своего развития и занять достойное место на Мировом рынке, как опора на силу и мощь государственной машины [12]. Учитывая значение и роль государственного сектора в историческом развитии российского общества, догоняющий характер развития ее экономики представляется, что использование такого рода рекомендаций в российских условиях не менее актуально, чем в Южной Корее, – точнее, необходимо рациональное сочетание, комбинация их и монетаристских методов. Поэтому ответ на поставленный в начале абзаца вопрос будет, скорее всего, отрицательным, на что указывают и отрицательные результаты первых этапов реформирования российского общества на основе монетаристских методов – но для более обоснованных рекомендаций необходимы глубокие патозэкономические исследования.

Что касается правомерности использования самого термина „патозэкономика”, то, разумеется, кому-то он возможно и не понравится, в связи с чем будут предложены иные варианты. В конечном счете дело не в названии – это вопрос больше филологического характера; но в то, что необходимо создавать общую теорию кризисных, переходных социально-экономических процессов и состояний у нас нет ни малейшего сомнения, ибо, как показывает даже предварительный анализ, существует немало общего в различных кризисных состояниях, в связи с чем поиск общих закономерностей, являющихся необходимым компонентом любой науки, не только необходим, но и возможен. В связи с этим необходим тщательный анализ и выявление общих закономерностей в переходных процессах в разных странах (так, опыт Венгрии и других стран свидетельствуют о том, что наиболее приемлема установка на достаточно длительный период перехода к рынку [8]).

Тем не менее, несколько подробнее стоит остановиться на рассмотрении вопроса о том, почему для названия новой экономической науки предложен нами именно термин „патозэкономика”. Дело в том, что кризисные явления – явления болезненные, тяжело пере-

живаемые отдельными индивидуумами, не зря в этом случае интенсивно ищутся пути и методы скорейшего выхода из кризисного состояния. Иначе говоря, кризис рассматривается как аномалия, определенное отклонение от некоего нормального состояния экономической системы. Таким образом, если проводить определенную параллель между экономикой и медициной, то кризис можно рассматривать как определенную болезнь, отклонение от нормального, здорового экономического состояния (в этой связи важнейшим разделом патозэкономии является диагностика экономических заболеваний и разработка методов их излечения).

В связи с чем по аналогии с патопсихологией науку, призванную изучать экономические болезни и методы их лечения, формы и разновидности социально-экономических патологий нами и было предложено называть патозэкономикой, хотя еще раз подчеркнем, что вполне осознаем определенную условность любой аналогии, а потому не исключаем, что для новой науки в конце концов будет найдено другое, может быть и более удачное название – например, медицинская экономика – однако и предложенное нами не так уж и плохо. Здесь необходимо уточнить, что термин „патологический процесс” образован от греческого „патос”, что означает болезнь [1], а патопсихология занимается изучением общих закономерностей психических заболеваний, анализом механизмов психопатологических расстройств [2].

Интересно, что патопсихология как новая отрасль знания возникла лишь на рубеже нашего века [3], т.е. сравнительно недавно, учитывая многовековое развитие психологической науки. Точно также, несмотря на древний возраст экономической науки (в этой связи уместно напомнить, что теоретическими проблемами экономики занимался еще древнегреческий мыслитель Аристотель), патозэкономика возникает только сейчас. Видимо, в более позднем возникновении патонаук есть своя логика, ибо для того, чтобы начать глубокое изучение отклонений от нормы, аномалий, необходимо сначала всесторонне и детально изучить нормальные процессы, хотя, разумеется, спорадически аномальные явления и раньше подвергались теоретическому анализу. Однако целенаправленного, всестороннего изучения этой группы явлений не было (поэтому в связи с развитием патозэкономии вполне возможно, что потребует радикальной корректировки, дополнения и уточнения даже теория стоимости, так как возможно, что для объяснения аномальных экономических процессов традиционные стоимостные законы не годятся, ибо такие классики теории стоимости, как А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, изучали действие экономических законов на статис-

тической информации, характеризующей функционирование экономики наиболее передовых стран того времени – прежде всего Англии, т.е. выражаясь языком патозкономики, функционирование нормальной экономики, после чего действие этих законов было перенесено на все рыночные страны). Интересно, что в последнее время аномальные процессы подвергаются все более тщательному анализу и в других областях знания – в физике, астрономии, биологии, социологии [4; 5]. Возможно, в недалекой перспективе появятся новые виды патонаук – патосоциология, например.

В настоящее время патозэкономика находится в зачаточном состоянии, поэтому преждевременно говорить о дифференциации патозэкономики (точно также как до конца XIX века разделение общей патологии на патологическую анатомию и патологическую физиологию было еще не резким [11]). Но со временем, когда эта наука разовьется, наверняка появятся дифференцированные отрасли патозэкономики, подобно тому, как в патопсихологии появились специализированные разделы [3]. На наш взгляд, вполне реально появление таких направлений, как региональная патозэкономика, изучающая региональные патологии и территориальные особенности кризисных социально-экономических процессов; отраслевая патозэкономика, исследующая отраслевые патологии и диспропорции, аномальные явления в различных отраслях; патозэкономика предприятия, изучающая кризисные ситуации и методы их лечения на уровне основного хозяйственного звена; историческая патозэкономика, анализирующая кризисные состояния в прошлом и пр. Разумеется, патозэкономика будет опираться на достижения всего комплекса экономических наук, в связи с чем она будет оперировать сложившимся категориальным аппаратом всего комплекса, но наряду с этим в ней появятся и специфические научные термины. Так, например, одной из важнейших проблем патозэкономики, решение которой имеет принципиальное значение для ее дальнейшего развития, является проблема определения количественных и качественных параметров-характеристик нормы и патологии экономических процессов (в этой связи небезынтересно будет привести мнение известного русского медика В.В. Подвысоцкого о том, что общая патология отыскивает и устанавливает законы, по которым совершаются в животном организме всевозможные отклонения от нормы [цит. по: 11]).

В связи с этим остановимся на этой проблеме более подробно. Но сначала целесообразно заметить, что та же патопсихология как психологическая дисциплина исходит из закономерностей развития и структуры психики в норме. Она изучает закономерности

распада психической деятельности и свойств личности в сопоставлении с закономерностями формирования и протекания психических процессов в норме, она изучает закономерности искажений отражательной деятельности мозга [3]. Причем от такого подхода выигрывает как теория аномальных явлений, так и сама теория о нормальных процессах. Еще великий физиолог И. П. Павлов говорил о том, что патологическое очень часто упрощает то, что заслонено от нас в норме. Патологический материал способствует постановке новых проблем в общей психологии, чем содействует ее развитию. Кроме того, патологические явления могут служить критерием при оценке психологических теорий. Важно и то, что расстройства психики рассматривались как эксперимент природы, причем затрагивающий большей частью сложные психологические явления, к которым экспериментальная психология еще не имела подхода, т.е., иначе говоря, болезнь превращается в тонкое орудие анализа, ибо, по словам Р. Рибо, она производит для нас опыты, никаким другим путем неосуществимые [3].

Аналогично развитие патозэкономики позволит не только глубже понять различные патологии, аномальные (аномалия – отклонение от нормы) социально-экономические процессы и явления, но и несомненно окажет существенное влияние на развитие „нормальной” экономики, на общую экономическую теорию, ибо, как известно, все ставшие ныне классическими теории, составляющие золотой фонд экономической науки, разрабатывались на статистической информации о функционировании наиболее передовых и развитых стран того времени (например, теория трудовой стоимости, теория А. Маршалла, теория несовершенной конкуренции, кейнсианская теория на примере Великобритании, США) – такой подход, когда изучается развитая экономика и выявлению закономерности обобщаются, экстраполируются на всю систему вполне был оправдан для прошлого периода развития экономической мысли, но в настоящее время он представляется недостаточно оправданным, так как необходимо изучать законы функционирования патологических систем, итак, проблема нормы и патологии воспроизводственных процессов имеет ключевое значение для развития всей патозэкономики. И дело здесь не только в теоретическом значении решения этой проблемы для всестороннего развития патозэкономики, этот вопрос имеет и большое практическое значение.

Так, совсем недавно Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря переживали острейший социально-экономический кризис и в качестве выхода из него предлагалось взять на вооружение рыночные методы хозяйствования. Выбор

такого целевого ориентира обосновывается тем, что в настоящее время многие капиталистические страны достигли высокого уровня экономического развития (поэтому, говоря о цели, следует уточнить, что на самом деле прельщает высокий уровень потребления, изобилие, а не рынок сам по себе; в связи в чем более правильно говорить о целевой установке как о построении „общества изобилия”, рынок же является средством, точнее, не только рынок, а оптимальное соотношение рыночных и государственных регуляторов – иначе говоря, не следует путать цель и средство). Тем самым признается, что экономика развитых рыночных стран - это норма, а современное состояние экономики бывших социалистических стран – отклонение от нормы или, иначе, экономическая патология. Однако насколько эти выводы правомерны, т.е. насколько оправдано для любой страны видеть рыночную экономику в качестве единственно возможного нормального экономического состояния? Ведь с научной точки зрения совсем неочевидно, что для России и других стран переход к рынку – единственно возможный путь, по крайней мере, это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Последнее связано с тем, что само понятие „рыночная экономика” не является однозначным – как известно, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка: монополистическая, олигополистическая, модель свободной конкуренции (более того, реальный хозяйственный механизм капиталистических стран помимо рыночных включает, как известно, и другие формы – например, государственные регуляторы). Какая из этих моделей соответствует понятию „норма экономического состояния”, или для России в качестве целевого ориентира не подойдет ни один из известных вариантов? С другой стороны, напомним, что наиболее эффективным и действенным „лекарством” (средством, методом) лечения рыночной экономики, когда она всерьез и надолго заболела – кризис 30-х годов под названием „Великая депрессия” – оказались кейнсианские методы государственного регулирования, вопреки тому, что предлагают сейчас для России. Этот же вопрос относится и к проблеме выбора в качестве нормы, отвечающей российским условиям, какой-либо национальной модели развитой рыночной экономики – ведь известно, что хозяйственные системы разных развитых капиталистических стран, несмотря на наличие общих компонентов, весьма существенно отличаются друг от друга. Также следует учитывать, что в постсоциалистической экономике технологический базис весьма отсталый – не приведет ли поэтому либерализация хо-

зяйственной деятельности лишь к снижению экономической эффективности?

Таким образом, как можно видеть, проблема определения нормы и патологии экономического состояния действительно крайне актуальна для выбора научно обоснованных целей дальнейшего развития российского общества. Проведенный выше небольшой анализ показал, насколько сложно дать однозначное определение понятия экономической нормы и патологии, причем это связано не только с экономическими особенностями. Понятие нормы (также как и патологии) вообще неоднозначно; пожалуй, самым расхожим остается для многих понимание нормы как, во-первых, чего-то среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы и, во-вторых, наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде [4]. Такое понимание хорошо согласуется со здравым смыслом и имеет весьма глубокие корни в житейском сознании, прочно отождествляющем нормальное и общепринятое.

Данный статистически-адаптационный подход к пониманию нормы вызывает, однако, резкую критику, ибо индивидуальные различия между однотипными социально-экономическими объектами достигают иногда столь больших величин, что среднестатистические нормы оказываются весьма далеки от реальных индивидуальных норм. Учитывая, что, по крайней мере, два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического: множественность социальных общностей, „социумов” и неоднородность предъявляемых каждым таким „социумом” требований, некоторые исследователи по существу отрицают наличие объективных оснований для различия нормы и патологии. Такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирование перед ее сложностью и переход к описанию любого таксономического объекта только как особенно, уникального в своем роде. Одними из наиболее ярких представителей такой точки зрения были представители экзистенциалистского подхода. Следует добавить, что для успешного решения проблем типа выявления нормы и патологии экономических процессов, необходимо заняться изучением оснований экономической науки, т.е. созданием метатеории политэкономии-метаэкономики.

Такая крайняя точка зрения, на наш взгляд, неправомерна, ибо, несмотря на сложности познавательного процесса в самой объективной реальности имеются предпосылки для различения нормы и патологии. Так, несмотря на имеющиеся значительные различия, существующие в системах хозяйствования, например, США, Японии и Великобритании, все они

воспринимаются для населения России и других стран бывшего социалистического лагеря как нормальные экономические системы в настоящее время, хотя западные экономисты характеризуют экономику Англии как больную. Разумеется, понятие нормы – относительно. Это означает, что, во-первых, абсолютно нормальных систем в реальности не бывает (абсолютно нормальная экономическая система – идеальная абстракция того же типа, что применяются в физике, химии и других науках – например, идеальный газ, абсолютно черное тело и пр.); во-вторых, нормальность выявляется лишь в сравнении. Например, сомалийцам современная экономическая ситуация в России показалась бы вполне нормальной. Более того, если сравнивать показатели среднего уровня жизни в России в настоящее время и в США где-то пятидесятилетней давности, то получим вполне сопоставимые значения. Просто сейчас в России стало жить сложнее, чем в так называемый застойный период, поэтому изменения в экономике воспринимаются как аномальные. С другой стороны, еще не так давно значительная часть населения планеты воспринимала советскую модель социализма не только как нормальный тип социально-экономической системы, но и как образец для подражания.

Точно также на относительность понятия „норма” указывает и то, что для россиян английская и нидерландская экономики кажутся процветающими, тогда как на Западе широко известен феномен так называемых „английской болезни” и „голландской болезни” [9]. Так, с начала 50-х годов происходит почти непрерывное ослабление позиций Великобритании в капиталистическом хозяйстве. Она отстает от конкурентов по темпам роста валового внутреннего продукта и промышленного производства. Англия стала терять свои позиции и в сфере заграничных инвестиций: если перед второй мировой войной ее зарубежные капиталовложения почти вдвое превышали инвестиции США, то к настоящему времени она не только перешла на второе место, но и утрачивает свои позиции по отношению к другим крупным капиталистическим государствам [10].

В связи с этим в западной литературе к Великобритании нередко приклеивают ярлык „больного человека” капиталистического мира. Выделяют несколько основных причин того, что в цепи высокоразвитых государств послевоенная Англия оказалась, прежде всего в экономической сфере, сравнительно слабым звеном. Диалектика истории такова, что если в первую половину XX в. уникальная по своим масштабам всемирная система имперских связей все еще обеспечивала Англии роль и статус с США одной из двух самых сильных в капиталистическом мире дер-

жав, то в условиях, возникших во второй половине столетия, чрезвычайно высокая степень зависимости метрополии от этой же системы оказалась ее ахиллесовой пятой. Преимущественно колониальная природа английской экономики в период развала Британской империи оборачивалась повышенной уязвимостью к радикальным переменам. Важно и то, что приоритет краткосрочного государственного регулирования над долгосрочным, характерный для английской экономики в 60-70-е годы, не только не стимулировал, но, напротив, тормозил процессы модернизации хозяйства. Огромную негативную роль сыграл и рост экспорта капитала из страны. В силу схожести по ряду параметров процессов большое значение для России имеет анализ причин „английской болезни”.

Таким образом, основания теорий нормы в значительной степени связаны с диалектической трактовкой категории меры. В этой области к числу самых существенных трудностей относится определение границ нормы и патологии, пределов и возможностей нормы. В отношении нашего предмета исследования это означает, что необходимо разработать качественные и количественные (причем количественные наверняка будут иметь в основном интервальную форму) параметры, характеризующие кризисные и нормальные социально-экономические состояния. Это означает, что следует предложить систему показателей (включаящую как средние, так и групповые показатели), характеризующие эти состояния, определить критерии, на основе которых можно выделять норму и патологию в экономике, причем следует учитывать, что, возможно, придется предложить несколько разновидностей такого рода систем показателей и критериев в соответствии с количеством возможных типов и форм кризисных и нормальных социально-экономических процессов и состояний (в этой связи важнейшей задачей патоекономики является классификация „экономических заболеваний” и поиск методов их лечения, правда, при этом нужно помнить формулу „лечить не болезнь, а больного”). Последнее необходимо, так как даже поверхностный анализ показывает, что следует выделять значительное число как разновидностей и типов экономических реформ, так и разновидностей и форм кризисных состояний – частных кризисов, затрагивающих лишь те или иные сферы социальной действительности и всеобщих кризисов; локальных и мировых; периодических и непериодических; глубоких и поверхностных; энергетических, валютно-финансовых и пр.; длительных и сравнительно непродолжительных кризисов и пр. Так, суть „голландской болезни”, о которой нередко упоминают на Западе, заключается лишь в следующем: Нидерланды, сосредоточив внимание на добыче газа,

утеряли свои позиции в производстве многих видов наукоемкой продукции и торговле ими. Кстати, анализ этой болезни весьма поучителен и для России. - Как видим, существует значительное число разнообразных критериев, подходов и оценок, на основе которых необходимо осуществлять патозэкономический анализ, проведение которого позволит выявить пороговые, критические параметры, характеризующие аномальные социально-экономические процессы. Важным разделом патозэкономии должно стать также изучение экономических „черных дыр” (см. по этому поводу наши работы [13]); кстати, увеличение разрыва между уровнем развитых стран и всего остального мира во многом объясняется эффектом „черной дыры”, когда развитая страна поглощает ресурсы развивающейся (утечка мозгов, дешевое сырье, бегство капиталов и пр.), т.е. иначе говоря, экономическая „черная дыра” обладает свойством аттракции.

Важнейшей задачей патозэкономии является также анализ непосредственно связанной с вопросом определения „норма-патология” проблемы научной обоснованности выбора целевых ориентиров перехода к развитому состоянию, которая, в свою очередь, непосредственно примыкает к проблеме осуществления научной типологизации и классификации социально-экономических систем. Это связано с тем, что определяя целесообразность перехода к развитым рыночным отношениям (или, может быть правильнее – к „обществу изобилия”) в качестве целевой установки, следует учитывать следующие нюансы. В настоящее время эффективность общественного производства в наиболее передовых капиталистических странах действительно очень высока – но будет ли так всегда? Ведь не следует забывать, что рыночные отношения – лишь одна из возможных форм производственных отношений, а поэтому эффективность рынка во многом обусловлена уровнем развития материально-технической базы. Так, неизвестно, осталась ли эффективность производства в этих странах столь же высокой, если бы сократились дешевые сырьевые поставки из стран третьего мира. В этой связи модно высказать мысль, что не могут все страны быть одновременно высокоразвитыми рыночными государствами (более того, происходит усиление дифференциации между развитыми и развивающимися странами – так, долг развивающихся стран превышает несколько триллионов долл., этот долг сравним с 40 % их совокупного валового внутреннего продукта). Так, для того, чтобы все человечество с учетом его предстоящего роста могло достигнуть современного промышленного производства в США на душу населения, потребление сырья и энергии в следующие сто лет должно возрасти в сто раз! Выбор новых технологи-

ческих решений позволит снизить эту цифру. И тем не менее без коренных изменений в характере потребления удержать равновесие природных систем Земли будет невозможно. Так, в 70-х годах в индустриально развитых капиталистических странах потреблялось в 25 раз больше исходных сырьевых ресурсов, чем в странах развивающихся. По приблизительным расчетам, в настоящее время на каждого жителя США приходится пятьсот механических рабов в пересчете машинной энергии на мускульную силу человека. В результате, как отмечают некоторые американские биологи, негативное влияние на природную среду одного жителя США в 50 раз больше, чем, например, одного жителя Индии [6].

Поэтому в мире не может одновременно существовать значительное число (а тем более – всех) высокоразвитых рыночных государств – это такая же утопия, как и идея о наступлении всеобщей эры коммунизма (правда, есть и такой вариант – определенное усреднение уровня потребления всех стран за счет перераспределения дохода в пользу более бедных, что сделает мир более устойчивым). В этой связи можно даже сформулировать принцип о необходимом существовании в данном временном интервале в мире государств с различными хозяйственными системами, так как для развитых стран необходимы страны, выполняющие роль сырьевого придатка и экологического отстойника, а это значит, что не для всех государств стремление к рыночным (или, точнее, к преимущественно рыночным) экономическим отношениям является научно оправданным. Таким образом, рыночные отношения сами по себе могут способствовать как повышению эффективности, так и усилению экономической зависимости – многое зависит от исходного технологического уровня экономики и состояния мирового рынка (ведь не следует забывать, что из всей совокупности рыночных государств к высокоразвитым относится лишь небольшая часть, существенную долю доходов которым дают проценты за предоставляемые кредиты, неэквивалентный обмен и эксплуатация дешевой рабочей силы в странах третьего мира; добавим также, что в последнее время к высокоразвитым странам не добавилось ни одно государство, более того, разрыв между ними и развивающимися странами увеличивается).

Важно учитывать также и следующее. Как известно, на протяжении только этого столетия мировой капитализм пережил несколько очень чувствительных экономических кризисов - достаточно вспомнить кризис 1929 – 1933 гг.; не исключено, что после очередного кризиса (например, того, который сейчас переживает мировое сообщество) капиталистическая система не сможет оправиться, тем более, что и прежде

крупные кризисы способствовали существенной трансформации этой системы. Не следует забывать и о том, что социалистические идеи долгое время пользовались широкой популярностью – и для этого были объективные предпосылки (к тому же кроме советской возможны и другие социалистические модели). Поэтому с научной точки зрения не следует исключать, что через определенное время приоритеты и ценности вновь могут измениться, тем более, что несмотря на переход к рыночным отношениям, во многих бывших социалистических странах кризис продолжает углубляться. Таким образом, научное обоснование выбора той или иной целевой установки не может быть абсолютным, оно всегда в той или иной мере связано с существующей социально-экономической ситуацией в обществе. В этой связи следует признать, что в настоящее время переход к развитым рыночным отношениям для российского общества следует признать обоснованным и целесообразным, но, не следует исключать, что с изменением общественной ситуации может претерпеть изменение и сама целевая установка (например, будет взята на вооружение какая-то не советская социалистическая модель). Поэтому и место модели рыночной экономики в классификации общественных систем, зависящее от многих факторов, с течением времени также может измениться (более подробно об этом см. наши предыдущие работы [13]). Важно учесть и то, что эффективность рыночных отношений во многом определяется исходным технологическим базисом – не зря же говорят о создании информационного общества. Таким образом, научно обоснованный выбор целевых ориентиров во многом определяется глубокой и всесторонней классификацией социально-экономических систем, в которой учитывается их иерархия. Важнейшей задачей патоекономики является также разработка направлений и выявление методов для создания условий для оптимального варианта перехода к рынку и формирования развитых рыночных отношений.

Региональная патоекономика посвящена анализу и выявлению региональных диспропорций, их возможной классификации, формах к методам их преодоления. Региональная патоекономика призвана исследовать территориальные условия и особенности реализации экономических реформ. Изучение региональных болезней, их диагностика и поиск методов лечения имеет не только существенное теоретическое значение, но и представляет большой практический интерес для определения оптимальной стратегии рыночного реформирования экономики на территориальном уровне (ведь и рыночные отношения территориально неоднородны [24]).

Разумеется, диспропорции регионального развития возникают не только в условиях переходного периода – имеют место они практически в любой социально-экономической системе, в том числе и в развитых капиталистических странах. Многие диспропорции достались российскому обществу в „наследство” от социалистической эпохи. Так, шаблонный подход к социалистической индустриализации республик без должного учета региональных условий приводил к излишней насыщенности их тяжелой промышленностью и игнорированию развития легкой, пищевой и других отраслей, производящих товары для населения. Возникновение многих территориальных диспропорций связано однако не только с субъективными просчетами и ошибками, но и имеет под собой объективную основу. К примеру, подавляющее большинство топливно- и энергоемких производств размещено в европейской части России, в то время как энергетические ресурсы сосредоточены преимущественно на востоке; с другой стороны, в восточных районах были „заморожены” значительные капитальные вложения при создании гигантов индустрии, которые плохо обеспечены рабочей силой, оборудованием, комплектующими изделиями и деталями [14].

Распад СССР (причем по некоторым оценкам [22], Россия от распада потеряла больше всех) привел к обострению многих региональных диспропорций вследствие разрыва хозяйственных связей между бывшими союзными республиками. Например, существенно осложнилась в первое время после распада СССР работа размещенного в Молдавии завода пере дельной металлургии, ибо для него было недостаточно металлолома в республике. Аналогично, находился в кризисном положении целый комплекс белорусских предприятий тяжелого и среднего машиностроения, который был построен здесь несмотря на то, что республика удалена от баз металлургической промышленности. В последнее время нарастает острота региональных экологических проблем: 56 городов – важнейших промышленных центров России – перенасыщены вредными производствами, где загрязнение в несколько раз превышает предельно допустимые нормы, что приводит к повышенной заболеваемости и смертности населения [14].

Некоторые авторы выделяют следующие основные устойчивые патологии регионального развития в бывшем СССР: 1) значительные бюджетные трансферы и резкое разделение регионов на регионы – доноры и регионы-реципиенты; 2) деформация инвестиционных потоков – капитал движется от регионов, где он может быть использован с максимальной отдачей в регионы, где он используется менее эффективно; 3) отсутствие связи между притоком капитала и инфра-

структурной обустроенностью территории, сдвиг производства в неосвоенные регионы; 4) деформация инвестиционных циклов, искусственная депрессия в регионах с благоприятной рыночной конъюнктурой и неисчерпанным ресурсным потенциалом вследствие постоянного изъятия финансовых ресурсов; 5) формировании регионов с отраслевой моноструктурой, ослабление тенденций к отраслевой диверсификации регионов; 6) консервация отсталой отраслевой структуры в регионах и препятствия на пути совершенствования структуры в направлении от первичных и вторичных видов деятельности к третичным и четвертичным; 7) диспропорции между уровнем развития отраслей специализации и компрессирующего и обслуживающего комплекса и ряд других региональных патологий [15].

Таким образом, существует значительное число разновидностей территориальных диспропорций. Как и любая патология, они могут носить устойчивый или неустойчивый характер, быть обратимыми или необратимыми, определяться как субъективными, так и объективными факторами. Региональные диспропорции в развитии народного хозяйства могут быть классифицированы последующим основным группам [16]: 1) региональное распределение природного комплекса; 2) социально-экономические региональные диспропорции; 3) территориальные диспропорции энергетического комплекса; 4) региональные диспропорции промышленности; 5) территориальные диспропорции аграрно-промышленного комплекса; 6) территориальное распределение транспортного комплекса. Возможны и иные подходы к классификации.

Одной из важнейших региональных диспропорций экономики России является диспропорция между Западной и Восточной экономическими зонами страны [25]. Проявляется это в том, что в Западной экономической зоне сосредоточено почти 80% населения России, здесь высокоразвитый хозяйственный комплекс, создающий свыше 2 / 3 валовой продукции промышленности и с продукции сельского хозяйства, а также привлекающий почти 2 / 3 всех инвестиций в экономику. В этой зоне относительно развита социальная и транспортная инфраструктура и находится мощная электроэнергетическая система. Восточная экономическая зона занимает площадь, почти в три раза превышающую территорию европейской части страны. К общим характерным чертам Восточной зоны относятся: наличие уникальных по запасам и качеству природных ресурсов, низкая плотность населения, особенно в северных регионах страны, слабая транспортная освоенность, а также очаговый характер населения и территориальной организации производства.

Возможность осуществления научной классификации видов территориальных диспропорций непосредственно связана с решением проблемы определения и характеристики „региональной нормы”. Разумеется, здесь не должно быть шаблонов, ибо понятно, что „норма” для регионов Европы будет одна, для регионов Азии – другая, для регионов бывшего СССР – третья. Нами здесь только затрагивается вопрос о том, что такое „нормальный регион” и „патологический регион”. Для ответа на него необходимы детальные комплексные исследования, учитывающие всю совокупность факторов и параметров, характеризующих понятие нормы и отклонения от нее. Ключевым аспектом данной проблемы является выбор критериев и разработка системы показателей, на основе которых возможно определение региональной нормы и региональной патологии. Как считает ряд авторов, целесообразно в этой связи выделение различных групп показателей, в частности, группы обобщающих синтетических показателей, определяющих основные экономические процессы общественного производства и группы конкретных натуральных и стоимостных показателей по отдельным элементам территориальных пропорций [17].

Таким образом, российский экономический кризис, способствующий обострению региональных диспропорций, обнажил перед регионалистикой как научным направлением множество крайне актуальных проблем, требующих незамедлительного решения. Определенные кризисные явления, возникшие в российской региональной науке, во многом обусловлены тем, что советская регионалистика, жестко ориентированная на разработку предплановых документов, нередко конъюнктурно подстраивалась под директивы органов управления. Недооценивался многоаспектный объективный противоречивый характер размещения производительных сил и расселения населения. В исследованиях различных регионов и поселений слабо учитывались региональные и местные особенности социально-экономического развития, экологической ситуации, национальные и демографические факторы. Не было обеспечено реальное сочетание отраслевого и территориального подхода в развитии народного хозяйства. Господствовали идеи равномерного размещения производства и расселения населения и „уравниловки” в территориальном развитии [14].

Региональная патология призвана как раз, чтобы и решать такого рода проблемы. Разумеется, в ней должно быть учтено и использовано все то ценное и положительное, что было накоплено советской регионалистикой. На наш взгляд, совершенно неправомерен подход огульного отрицания каких-либо достижений предыдущего, социалистического этапа раз-

вития экономической науки, в частности, изучения планово-государственных методов экономического регулирования. Как известно, в развитых капиталистических странах плодотворно разрабатывается, и с успехом применяются методы государственного программирования (в том числе и регионального) экономики, во многом заимствованные из арсеналов системы управления и планирования социалистической экономикой. В условиях переходного периода роль и значение государственного регулирования воспроизводственных процессов еще более возрастает.

Вместе с тем для развития региональной патологии экономики большое значение имеет использование достижений развития регионалистики в развитых капиталистических странах. Так, там давно уже плодотворно изучается проблема преодоления региональных диспропорций на основе программирования – в целом выделяется четыре основных направления, примерно соответствующих важнейшим типам региональных проблем: 1) программы освоения новых районов; 2) программы развития (индустриализации) слаборазвитых районов; 3) программы развития промышленных депрессивных районов; 4) программы и мероприятия в отношении районов высокой концентрации производства и населения. К последнему направлению примыкают и тесно связаны с ним программы и мероприятия по охране окружающей среды [18]. Важно и то, что среди зарубежных ученых широко распространено убеждение в ошибочности подхода, лежавшего в основе тех региональных мероприятий, которые проводились в 60-х – начале 70-х годов. Выделение „проблемных” районов и рассмотрение их развития вне связи с развитием других районов, экономики страны в целом, по их мнению, представляют собой одну из грубейших ошибок политики, ориентированной на решение конкретных проблем [19].

Таким образом, региональная патология экономики призвана заниматься не только территориальными вопросами и аспектами перехода к рыночным отношениям, но и вообще любыми региональными патологиями и кризисными явлениями вне зависимости от типа общественного устройства – будь то при развитии капитализма, социализме или в условиях переходного периода. Но, разумеется, изучение территориальных особенностей переходного периода является одной из важнейших и актуальнейших проблем региональной патологии экономики (в этой связи весьма интересен анализ различных территориальных моделей перехода к рынку [23]). Следует добавить, что региональный аспект рыночных преобразований является одним из наименее изученных, а недочет территориальных особенностей в экономической политике переходного периода существенно снижает эффектив-

ность осуществляемых реформ. В связи с этим далее на примере северных районов России определяются территориальные особенности формирования развитой рыночной среды, в частности, анализируются такие важные проблемы, как выявление региональных особенностей приватизации, использования хозяйственных систем и моделей, формирования оптимальной структуры формы хозяйствования и пр., что позволит в определенной мере восполнить имеющийся пробел в этой области.

Эффективность и успешное завершение экономических реформ в России во многом будут зависеть от учета в стратегии рыночных преобразований территориальной специфики и особенностей развития различных регионов страны, в частности, районов зоны Севера. Это связано с тем, что зона Севера занимает 64% общей площади России; на долю этого региона приходится 9,6% в производстве валового общественного продукта, 12,3% в стоимости основных производственных фондов и 7,8% в численности населения; здесь в значительных объемах добываются важнейшие сырьевые ресурсы страны. Учитывая также, что региональный аспект формирования развитой рыночной инфраструктуры является одним из наименее изученных, представляется весьма актуальным рассмотрение проблем и выявление региональных особенностей развития рыночных отношений и формирования оптимальной структуры форм хозяйствования в северных районах страны.

Стихийный вариант перехода к рыночным отношениям способствовал резкому обострению проблем развития Севера России. К ним прежде всего следует отнести следующие группы проблем:

- более низкий, по сравнению со среднереспубликанским, уровень социальной обеспеченности и защищенности населения Севера;

- деградирующий характер экосистем Севера в районах наиболее концентрированной и интенсивной добычи минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов;

- охранение среды жизнеобеспечения и выживания малочисленных народов Севера;

- диспропорции между основным и обеспечивающим производством, материальной и нематериальной сферами хозяйства, экономическим ростом и социальным развитием;

- снижения уровня интенсификации регионального производства и увеличение разрыва между региональным и среднероссийским уровнем интенсификации в ущерб экстремальным районам.

В основе этих проблем лежит отсутствие стратегии устойчивого социального и экономического развития, основанной на сочетании общегосударствен-

ных интересов с интересами проживающего на Севере населения, модель ускоренного индустриального освоения Севера с истощительным характером природопользования, механизм дешевого освоения природных ресурсов, приоритет сугубо производственного начала над социальными вопросами и др.

Переход на рыночные отношения народнохозяйственного комплекса северных районов страны будет определяться рядом фактором, при прочих равных условиях, усложняющих протекание этого процесса. К ним следует отнести более высокие затраты на заработную плату, связанные с необходимостью осуществления выплат полярных надбавок и районного коэффициента работникам этих регионов (например, в промышленности Мурманской области доля выплат по районному коэффициенту и полярным надбавкам в структуре фонда заработной платы на протяжении последних 15 лет в среднем превышает 40%), более высокие затраты на обустройство (в 2 – 3 раза дороже, чем в средней полосе [21]), потребность в осуществлении значительных транспортно-заготовительных расходов в связи с существенной отдаленностью от основных потребителей выпускаемой продукции, необходимость в реализации огромных капитальных вложений в природоохранные мероприятия по причине крайне напряженной экологической ситуации и пр. Все это приводит к значительному удорожанию себестоимости выпускаемой продукции и способствует тому, что северные предприятия в условиях рыночной экономики окажутся в менее выгодном положении по сравнению с аналогичными предприятиями, расположенными во многих других регионах страны.

К негативным факторам, усложняющим переход экономики северных территорий на рыночные отношения, следует отнести и такие, как более высокая по сравнению с осреднесоюзной стоимостью проживания (по расчетам прожиточный минимум для населения Мурманской области приблизительно в полтора раза выше среднего государственного), значительный физический и моральный износ основных фондов, высокая фондоемкость и материалоемкость продукции. Так, например, коэффициент износа флота рыбной промышленности Северного бассейна в настоящее время превышает 45%, а обрабатывающего и приемно-транспортного флота – 70%. Это самые высокие показатели износа основных фондов на предприятиях рыбопромышленного комплекса страны. Постоянно происходит ухудшение сырьевой базы, усложняется промысловая обстановка, регулярно растет фондоемкость 1 т вылова. Значительно ухудшились естественные условия воспроизводства в горнопромышленном комплексе, здесь на многих предприятиях происходит падение объемов выработки про-

дукции. Аналогичные негативные процессы имеют место и в других важнейших отраслях региона.

Не способствует скорейшему внедрению рыночных отношений и сложившаяся отраслевая структура экономики северных территорий. Высокий удельный вес добывающих отраслей промышленности, природоэксплуатирующая направленность экономики, экстремальные условия воспроизводства – таковы основные региональные особенности производственного процесса в условиях Севера. Одной из наиболее важных задач переходного периода является необходимость структурной перестройки экономики, переориентации ее на первоочередное решение социальных проблем общества, повышение качества и уровня жизни. К сожалению, в силу региональных особенностей народнохозяйственный комплекс Севера не обладает достаточной мобильностью для формирования в скором времени экономики, непосредственно нацеленной на решение социальных проблем. Этому же не способствует и весьма слабое развитие сельскохозяйственного производства в ряде районов. Так, в отраслевой структуре Мурманской области на сельское хозяйство приходится менее 3 % производимой продукции. Недостаточно развита в регионе и сеть предприятий, занимающихся производством товаров народного потребления непродовольственного характера. Однако помимо негативных факторов, действие которых серьезно затрудняет решение проблем переходного периода, существует комплекс условий, благоприятных для эффективного формирования развитой рыночной среды. К ним, прежде всего, следует отнести возможность тесного экономического сотрудничества с развитыми капиталистическими странами Северной Европы, весьма в нем заинтересованными, наличие достаточно высококвалифицированной рабочей силы, огромные природные богатства.

Концепция перехода северной экономики на рыночные отношения должна, на наш взгляд, в максимальной степени учитывать положительное действие благоприятных факторов и, по возможности, нивелировать отрицательный эффект негативных. Причем важно подчеркнуть, что переход региональной экономики к рынку в значительной мере будет определяться концепцией развития рыночных отношений в целом по стране. Хотя формирование сложной рыночной среды будет осуществляться в основном теми же методами, что и для российской экономики в целом, однако региональные особенности воспроизводственного процесса внесут некоторые коррективы в формы перехода. В результате некоторые направления формирования рыночной среды на Севере будут несколько отличаться от среднеэкономических аналогов.

Создание развитой экономической среды в боль-

шой степени будет зависеть от концепции развития Севера России в переходный период и при развитых рыночных отношениях. В основу концепции социального и экономического развития Севера заложены следующие принципы:

– комплексный многофункциональный подход к устойчивому развитию Севера, основанный на сочетании общенациональных и региональных интересов;

– возрастание роли природно-ресурсного потенциала Севера в переходный период, определяющего национальные интересы России;

– приоритеты государственного регулирования процессов адаптации Севера к рыночной экономике при одновременном создании конкурентной среды и рыночной инфраструктуры, развитии малого бизнеса, усилении территориального начала в управлении региональным воспроизводственным процессом.

Реализация данных принципов предполагает внедрение широкого круга разработанных в программе развития регионов Севера мероприятий. Так, предполагается существенно повысить долю прироста эффективности регионального производства за счет увеличения комплексности использования ресурсов, например, на Кольском полуострове более 70% прироста продукции горнопромышленного и рыбопромышленного комплексов в ближайшие 10 лет должно быть получено за счет повышения уровня комплексного использования уникальных природных ресурсов. Что касается второго из рассмотренных принципов, здесь следует отметить, что в соответствии с концепцией разведанные запасы позволяют поддерживать и даже при определенных условиях увеличивать объемы добычи в пределах прогнозного периода (25 лет) такого важного ресурса, как нефть (заметим, что в последнее время в среднем за год на Севере добывалось 368,7 млн. т нефти и 574 млрд м³ газа, что составило соответственно 77,3 и 89,1% от общероссийского производства). Кроме того, по имеющимся оценкам наибольшие перспективы прироста запасов нефти и газа также связаны с Севером России и с его Арктическим шельфом. Запасы других природных ресурсов Севера также остаются самыми значительными в стране, а по отдельным видам – и в мире. Однако следует добавить, что действие этого принципа существенно корректируется положением, в котором отмечается, что в целях сохранения окружающей природной среды и создания благоприятных условий для развития традиционных отраслей хозяйствования как основы жизнедеятельности малочисленных народов Севера целесообразно ограничивать промышленную деятельность в районах Севера, особенно в его арктической части, имея в виду обеспечивать добычу и комплексную переработку только тех

ресурсов, потребность в которых не может быть удовлетворена за счет других регионов.

Важнейшим условием перехода региональной экономики к рыночным отношениям является государственное регулирование переходных процессов. В этой связи необходимо создание условий для оптимального соотношения рыночных и государственных методов регулирования экономики, причем, очевидно, что это соотношение может существенно различаться в разных регионах, определяясь территориальными особенностями воспроизводственного процесса. В условиях Севера роль и значение государственных регуляторов в переходный период значительно выше, чем для российской экономики в целом. Это связано с такими факторами, как необходимость при прочих равных условиях осуществления повышенных затрат на выпуск единицы продукции, непомерно высокий удельный вес отраслей промышленности и, прежде всего, добывающих отраслей, ограниченность возможностей в связи с экстремальностью природно-климатических условий развития сельскохозяйственного производства и пр. К важнейшим сферам государственного регулирования следует отнести разработку политики природопользования, социальной политики, налоговой, кредитной политики и ряд других.

В пользу целесообразности более значимых масштабов государственного регулирования экономики экстремальных регионов по сравнению с остальными, более комфортными районами свидетельствует также опыт хозяйственного развития некоторых капиталистических стран. Представляется, что наибольший интерес в этом отношении имеет канадский опыт. Это связано с тем, что ни одна другая развитая капиталистическая страна не располагает столь обширным и богатым ресурсами территориальным резервом, каким является Канадский Север. В Канаде выделяют пять экономических районов, принципиально отличающихся по условиям хозяйственного развития. Один из них – Канадский Север, включающий Северо-Западные территории, Юкон, а также северные части провинций Альберта, Саскачеван, Манитоба, Онтарио и Квебек. Этот в основном неосвоенный, малонаселенный район является „пограничной землей” канадской экономики, практически еще не вовлеченный в процесс общественного воспроизводства. Наличие в Канаде такого рода значительных территорий определяет ее во многом уникальное положение в капиталистическом мире.

Малоосвоенные северные районы занимают примерно 7 млн км² – 70 % территории страны, тогда как проживает здесь лишь 350 тыс. чел., или менее 1,5 % населения Канады. Эти территории располагают

огромными и далеко еще не полностью разведанными природными ресурсами – месторождениями природного газа, нефти, каменного угля, асбеста, руд черных и цветных металлов, существенным гидроэнергетическим потенциалом.

Все это „роднит” канадскую экономику с экономикой России, где также большая часть территории страны относится к зоне Севера. Наличие общих черт в экономике двух стран способствовало тому, что еще во времена социалистической эпохи в процессе разработки стратегии хозяйственного освоения ресурсов Канадского Севера использовался опыт развития северных районов СССР, теперь, в период перехода к рыночным отношениям нам, в свою очередь, следует использовать канадский опыт.

Формы и направления государственного регулирования воспроизводственных процессов в экономике Канадского Севера различны и достаточно многочисленны. Государство не ставит в качестве обязательной конечной цели своих инвестиций получение прибыли, а делает эти инвестиции средством повышения активности частных фирм. В наибольшей степени сказанное относится к государственному финансированию развития инфраструктуры (и прежде всего транспортной сети) в северных районах. В некоторых случаях государство идет на создание собственных предприятий или смешанных государственно-частных компаний. Однако гораздо чаще государство предпочитает действовать в рамках программ помощи частным компаниям (особенно горнопромышленным). Заметнее всего это содействие частному капиталу выражается в предоставлении прямых субсидий фирмам – в отдельных случаях такая помощь составляет до 70 – 80 % всех прямых и косвенных капиталовложений в новое предприятие, в покупке акций рискованных предприятия и т.д.

Другой способ оказания государственного содействия частным компаниям – налоговые льготы. Горнопромышленные фирмы на Севере Канады полностью освобождались от уплаты налогов на три – пять лет после ввода в действие предприятия; в случае эксплуатации месторождений, близких к истощению, подлежащая налогообложению прибыль уменьшалась на треть. Кроме того, государство облегчало условия аренды нефтеносных земель. Быстро растут и размеры федеральных субсидий, предоставляемых местным властям северных территорий. К важнейшим формам государственного регулирования следует отнести также разработку разного рода комплексно-целевых программ развития Севера.

Необходимость более интенсивного вмешательства государства в процесс экономического регулирования деятельности северных районов по сравне-

ния с остальными регионами Канады объясняется рядом причин и факторов. Прежде всего следует указать на необходимость осуществления здесь повышенных затрат на выпуск единицы продукции. Так, доля затрат на материалы, энергию и топливо в общей стоимости горнодобывающей промышленности на Дальнем Севере почти вдвое выше, чем по всей отрасли в среднем по стране. Стоимость бурения одной разведочной скважины на Дальнем Севере обходится в 45 раз, а 1 м буровой проходки – в 25 раз дороже, чем в основной нефтедобывающей провинции страны – Альберте. При столь высоком уровне расходов и ввиду необходимости чрезвычайно крупных капиталовложений в развитие инфраструктуры компании далеко не всегда решаются на риск освоения северных ресурсов своими силами, без помощи государства. Важно и то, что масштабы и специфика освоения Севера требуют учета экономического и социального влияния капиталовложений в развитие всего района и даже всей страны в целом, притом в течении длительного периода. Частные же компании, будучи предоставлены самим себе, обычно предпочитают проводить хищническую политику кратковременной эксплуатации наиболее богатой части месторождений, что приводит порой, в конечном счете, к исключительно негативным последствиям, например к возникновению печально знаменитых „городов-призраков”. Эти и ряд других факторов и приводят к необходимости активного вмешательства государства в процесс освоения Севера [20].

Таким образом, ресурсно-территориальный резерв – малозаселенный Канадский Север – представляет собой своего рода полигон государственно-монополистического регулирования. Более того, тот факт, что в Канаде большая часть ее территории относится к экстремальным северным районам, во многом объясняет необходимость осуществления более широкого по сравнению с некоторыми другими развитыми капиталистическими странами (например, по сравнению с соседними США., где климат и природные условия гораздо более благоприятны) государственного вмешательства в экономические процессы не только в регионах Севера, но и в стране в целом. Это обстоятельство по аналогии во многом объясняет необходимость более существенного вмешательства государства в экономические процессы в России и других северных странах [7]. Важной особенностью Канады является также происходящий в послевоенный период интенсивный процесс децентрализации государственного управления, в результате чего значительно возросла роль провинций. В связи со спецификой хозяйственной системы выделяют канадскую модель рыночной экономики.

Учитывая наличие определенного числа общих черт в экономике России и Канады (схожая по ряду параметров региональная, отраслевая структура, большая территориальная протяженность и пр.), целесообразно в стратегии перехода российской экономики к развитым рыночным отношениям использовать определенные элементы канадской хозяйственной модели. Особенно данное положение справедливо в отношении выбора приоритетов и перспектив экономического развития в зоне Севера России. Таким образом, на Севере наиболее приемлема не южнокорейская, китайская и тому подобные модели, а канадская модель рыночной экономики. Вполне вероятно, что в других регионах наиболее целесообразно использование элементов иных хозяйственных моделей, поэтому в целом для России вряд ли оправдан поиск какой-либо одной модели рынка – необходимо сочетание различных моделей с учетом региональной специфики. Возвращаясь к вопросу об использовании элементов канадской модели, необходимо заметить, что здесь наибольшее значение имеет система государственного регулирования воспроизводственных процессов.

Переход к рыночным отношениям весьма негативно сказался и на дифференциации регионального уровня интенсификации. В этой связи заметим, что поскольку одним из наименее изученных аспектов экономической политики переходного периода является региональный аспект, постольку анализ проблем повышения эффективности интенсификации производства в регионе при переходе к рынку весьма актуален. Учитывая экстремальный характер условий общественного воспроизводства в Северном экономическом районе, темпы и уровень интенсификации на предприятиях региона должны быть выше среднеотраслевых, тогда как в реальности они ниже средних, причем в последние годы этот разрыв еще более увеличился. Таким образом, новые условия хозяйствования наиболее негативно отразились на экстремальных регионах, в том числе и на процессе интенсификации и роста региональной эффективности. Это во многом связано с тем, что при переходе к рыночным отношениям предприятия северных регионов страны оказываются в гораздо менее благоприятных стартовых условиях, чем предприятия, расположенные в более „комфортных” регионах. Поэтому технологическое отставание экономики такого рода регионов от среднероссийского уровня может еще более увеличиться.

Разумеется, это связано не только с субъективными ошибками недостаточно глубоко продуманной концепции перехода к рынку, но и с действием объективных факторов (глубина и сложность накопившихся проблем, отсталый материально-технический базис, объективные процессы, связанные с „переходностью”

современного состояния общества и т.п.). Но тем не менее, ряд негативных последствий все же можно было бы избежать, и, прежде всего, на основе разработки стратегии государственного регулирования переходных процессов.

Учитывая остроту проблемы, особо следует выделить роль государственного регулирования в реализации структурной перестройки региональной экономики. Насколько не соответствует отраслевая структура региона структурным стандартам развитой рыночной экономики, можно видеть из следующего сравнения. На Аляске – в штате США, схожем по многим параметрам с природными условиями ряда регионов Северного экономического района, доля занятых в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве в последнее время составляет 21%, транспорте и связи – около 8%, торговле – 16%, а, например, в Карелии значения аналогичных показателей составляют соответственно 50, 11 и 9 % (в целом же на сферу нематериального производства США приходится около 70%, что значительно больше российских показателей). Удельный вес промышленности в отраслевой структуре Мурманской области составляет около 80% (для сравнения – в США около 25%). Все это свидетельствует о том, что отраслевая структура региона весьма далека от структурных стандартов социальной рыночной экономики.

В нашей стране переход к развитой интенсивной экономике, важнейшим условием которой является создание структуры народного хозяйства (а, поэтому, структурная политика должна быть взаимосвязана с процессом интенсификации), соответствующей стандартам социальной рыночной экономики, требует разрешения глубинного противоречия и выхода из порочного круга. Суть проблемы в следующем. Как показывает мировой опыт, структурная перестройка экономики требует значительных финансовых и материальных средств и является довольно длительным процессом, средства же для этих целей в основном можно получить за счет развития отраслей промышленности (по крайней мере, это справедливо для северных регионов), причем для регионов зоны Севера это преимущественно отрасли, связанные с добычей и переработкой сырьевых ресурсов. Поэтому для реализации концепции построения развитой экономики в нашей стране определенное время структура народного хозяйства вряд ли будет улучшаться, а может даже и ухудшиться с точки зрения достижения стандартов социальной рыночной экономики, так как нагрузка на промышленность как источник финансирования структурной перестройки может существенно возрасти. Следует учесть также, что анализ прогнозируемого развития отраслей народного хозяйства региона по-

казывает большую инерционность его структуры. В связи с этим удельный вес промышленности в структуре экономики региона, по крайней мере еще определенное время вряд ли будет уменьшаться. Таким образом, улучшение отраслевой структуры возможно лишь при временном ухудшении ее – в этом заключается один из парадоксов переходного периода в нашей стране и особенно в северных регионах.

Большую роль в вакуумировании необходимых для структурной перестройки средств может сыграть создание в регионе банка реконструкции и развития, траст-фондов и т.п. организационных форм, ибо, как показывает мировой опыт, для осуществления структурной перестройки и проведения эффективной политики интенсификации необходимы значительные финансовые и материальные ресурсы, огромные капиталовложения и инвестиции, а банки, траст-фонды и пр. как раз и позволяют создать условия для аккумуляции необходимых средств. Причем целесообразно, на наш взгляд, предложить в качестве основы для выделения средств под те или иные проекты и программы структурной перестройки использовать систему приоритетности развития тех или иных мероприятий, иначе говоря, целесообразно проранжировать мероприятия с точки зрения важности их реализации для целей структурной перестройки с учетом величины необходимых средств и возможного эффекта, получаемого в результате этого. При выделении кредитов банка реконструкции и развития необходимо опираться на выявленные приоритеты. Следует при этом выявить и приоритетность развития определенных отраслей – здесь необходимо учитывать значимость отрасли, скорость оборота капитала, норму прибыли и другие факторы (в этой связи нелишне напомнить, что роль катализатора первоначального накопления капитала нередко играли отрасли со сравнительно быстрым оборотом капитала). Такой подход в наибольшей мере учитывает опыт весьма быстрого перехода к развитой экономике ряда передовых капиталистических стран (например, Японии, Южной Кореи, когда упор делался на развитие нескольких отраслей, после чего срабатывал мультипликативный эффект – и экономика в целом начинала быстро развиваться). Помимо методов дифференцированного, селективного кредитования следует использовать политику льготного налогообложения приоритетных отраслей (на целесообразность этого указывает опыт многих развитых стран).

Ухудшение отраслевой структуры на первых этапах переходного периода в значительной мере можно избежать за счет повышения эффективности регионального производства на основе диверсификации промышленных отраслей, развития новых форм хо-

зяйствования, привлечения иностранных инвестиций. Однако, учитывая, что базовые отрасли северных регионов отличаются низкой рентабельностью, монопродуктовой направленностью производства, высокой капиталоемкостью и инерционностью развития, для эффективной структурной перестройки региональной экономики необходима значительная помощь со стороны государства.

Таким образом, в связи с действием ряда объективно обусловленных факторов, затрудняющих, при прочих равных условиях, развитие рыночных отношений на Севере, для формирования рациональной структуры региональной экономики необходимо осуществление протекционистской политики в отношении предприятий, ведущих свою деятельность в северных регионах. На целесообразность проведения этой политики указывает подобный опыт, осуществляемый в таких странах, как Англия, США, Канада, где устанавливаются налоговые льготы и сниженные банковские проценты для дополнительного стимулирования предпринимательской деятельности на Севере. Реализация всей совокупности рассмотренных выше принципов приведет к тому, что в соответствии с концепцией произойдет переход от индустриальной модели освоения Севера к модели устойчивого развития, обусловливаемой социально-рыночными механизмами. Под моделью устойчивого экономического развития понимается целостная система социального и экономического развития, сформированная на базе многосекторной диверсификации: добыча и переработка природных ресурсов, промышленное производство наукоемких товаров, сфера услуг, обслуживающие производства, информационные технологии, агропромышленное и традиционное производство. Она ориентирована на обеспечение достойных социальных условий жизни населения, подъем культуры, устойчивый экономический рост, высокую занятость, экономическую и экологическую безопасность, не пользуясь „кредитом” последующих поколений. Модель устойчивого развития, исходя из интересов человека, ставит задачу создания новой „экологически чистой” системы управления использованием природных ресурсов, социальной технологии освоения Севера с тем, чтобы не только сохранять, но и улучшать среду его обитания. Региональные особенности перехода к рыночным отношениям народнохозяйственного комплекса зоны Севера России в различных его областях будут проявляться по-своему. Более того, в связи с наличием специфических региональных и отраслевых факторов в некоторых областях можно выделить характерные лишь для них особенности переходного периода к рынку и формирования развитых рыночных отношений.

Литература

1. **Философия** и медицина / Под ред. В. Ф. Сержантова, А. А. Королькова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 213 с. 2. **Жариков Н. М.**, Урсова Л. Г., Хритинин Д. Ф. Психиатрия. Учебник. М.: Медицина, 1989. – 496 с. 3. **Зейгарник Б. В.** Патопсихология. Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1976. – 238 с. 4. **Братусь Б. С.** Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 304 с. 5. **Социальные отклонения.** Введение в общую теория. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с. 6. **Олдак П. Г.** Равновесное природопользование. Взгляд экономиста / П. Г. Олдак. – Новосибирск: Наука, 1983. – 128 с. 7. **Лузин Г. П.** Соотношение рыночных и государственных методов экономического регулирования в условиях переходного периода. Апатиты / Г. П. Лузин, К. В. Павлов. – Изд-во КНЦ РАН, 1993. – 181 с. 8. **Монич Ю. И.** Формирование рыночной экономики в Венгрии / Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 125 – 135. 9. **Юданов А. Ю.** Секреты финансовой устойчивости международных монополий. М.: Финансы и статистика / Ю. А. Юданов. – 1991. – 192 с. 10. **Великобритания** / Отв. ред. С. П. Мадзоевский, Е. С. Хесин. М.: Мысль, 1981. – 429 с. 11. **Саркисов Д. С.** Очерки истории общей патологии. М.: Медицина, 1988. – 334 с. 12. **Жуков С. В.** Роль государства в сотворении „южнокорейского чуда” / С. В. Жуков. – Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 98 – 104. 13. **Павлов К. В.** Патологические процессы в экономике / К. В. Павлов. – М.: Магистр, 2009. – 461 с. 14. **Региональная экономика: новые подходы** / Л. А. Козлов, А. И. Ильин, Б. М. Штульберг и др. М.: Наука, 1993. – 127 с. 15. **Дмитриева О. Г.** Региональная экономическая диагностика. Санкт-Петербург: Изд-во СПб Университета экономики и финансов, 1992. – 274 с. 16. **Некрасов Н. Н.** Региональная экономика (теория, проблемы, методы) / Н. Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1975. – 317 с. 17. **Мазанова М. Б.** Территориальные пропорции народного хозяйства СССР / М. Б. Мазанова. – М.: Наука, 1974. – 217 с. 18. **Региональное** программирование в развитых капиталистических странах. М.: Наука, 1973. – 328 с. 19. **Буржуазная** региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. М.: Мысль, 1981. – 254 с. 20. **Государство** и экономика Канады / Отв. ред. Л. А. Баграмов. М.: Наука, 1986. – 320 с. 21. **Меккель С. А.** Экономическая эффективность технического оснащения производства в условиях Севера: Вопросы теории и практики / С. А. Меккель. –

Новосибирск: Наука, 1989. – 149 с. 22. **Лексин В. Н.**, Андреева Е. Н. Территориальная дезинтеграция России / Российский экономический журнал. 1992. № 8. С. 32 – 41. 23. **Регионы** России в переходный период / Общество и экономика. 1993. № 9 – 10. С. 53 – 73. 24. **Адамеску А. А.** К совершенствованию территориально-организационной структуры России / А. А. Адамеску // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 60 – 71. 25. **Плисецкий Е. Л.** Территориальные различия российской экономики и общества / Е. Л. Плисецкий / Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 24. С. 2 – 12.

Павлов К. В. Патологічні соціально-економічні процеси: територіальний аспект

У статті визначено необхідність і доцільність вивчення патологічних соціально економічних процесів на різних рівнях суспільної ієрархії, зокрема на регіональному рівні. Виявлено також основні територіальні диспропорції в розвитку російської економіки.

Ключові слова: патологічні процеси, соціально-економічний розвиток, патоекономіка, регіональний рівень, територіальні диспропорції.

Павлов К. В. Патологические социально-экономические процессы: территориальный аспект

В статье определяется необходимость и целесообразность изучения патологических социально-экономических процессов на разных уровнях общественной иерархии, в том числе на региональном уровне. Выявляются также основные территориальные диспропорции в развитии российской экономики.

Ключевые слова: патологические процессы, социально-экономическое развитие, патоекономика, региональный уровень, территориальные диспропорции.

Pavlov K. V. Pathological Socio-economic Processes: Regional Aspect

The article identifies the need for and feasibility study of pathological socio-economic processes at different levels of social hierarchy, including at the regional level. Identified as the major territorial disparities in the development of Russian economy.

Key words: pathological processes, socio-economic development, patoeconomics, regional level, territorial disparities.

Стаття надійшла до редакції 10.02.2013
Прийнято до друку 20.02.2013